
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЖУРНАЛ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ПЕРВЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «FOREIGN AFFAIRS» ЗА 2018 г. – «THE UNDEAD PAST. HOW NATIONS CONFRONT THE EVILS OF HISTORY»¹

В настоящий обзор вошли статьи из тематической подборки первого номера американского издания «*Foreign Affairs*» за 2018 г., посвященной политическим практикам преодоления темного прошлого, применяемым в разных странах².

В эссе «Первородный грех Америки. Рабство и наследие белого доминирования» профессор Гарвардского университета Аннет Гордон-Рид размышляет об избирательности исторической памяти и глубинных истоках современного бытового расизма.

Она обращает внимание читателя на то, что два лежащих в основе государственности США документа – Декларация независимости и Конституция – репрезентируют проблему, с которой американцы имеют дело с момента официального разрыва с метрополией: «...как совместить ценности, выраженные в этих текстах с первородным грехом рабства, пороком, омрачившим начало становления страны, исказившим ее надежды и в конечном итоге погрузившим ее в пучину гражданской войны» [Gordon-Reed, 2018, p. 2].

Декларация независимости является ключевым элементом «гражданской религии» современной Америки. Вводные тезисы ее преамбулы поместили понятия свободы и равенства в самое сердце

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

² Foreign affairs. – N.Y., 2018. – Vol. 97, N 1. – P. 2–41.

© Понамарева А.М.

«американского эксперимента». При этом один из авторов Декларации Томас Джефферсон был крупным плантатором-рабовладельцем.

Крайне неоднозначна история создания Конституции 1787 г. На тот момент перед авторами документа стояла задача выработать общие правила игры для развивающегося по капиталистическому пути промышленного Севера и сохранявшего феодальные отношения сельскохозяйственного рабовладельческого Юга. Во избежание разрушения экономики южных штатов в первоначальный текст были интегрированы такие положения, как разрешение на ввоз рабов, запрет на оказание им помощи при побеге, а также обязанность их возврата даже из тех штатов, где рабство было отменено. После того как было принято решение о том, что количество конгрессменов штата будет зависеть от его населения, Юг захотел внести в списки учета рабов, а Север воспротивился этой идее. Достигнутый сторонами компромисс поражает цинизмом: при определении численности населения каждого штата учитывалось только три пятых от общего количества проживающих в нем рабов. Все вышесказанное дает основания автору утверждать, что Конституция 1787 г. «напрямую защищала рабство» [Gordon-Reed, 2018, p. 2].

Соответственно, «любой порыв отпраздновать зарождение государства неминуемо наталкивается на трагические моменты былого. Желаящие без стеснения и с гордостью за свою страну наслаждаться празднованием ощущают неуместность своих чувств из-за тех, кто клеймит позором гнет и насилие, составлявшие суть времени отцов-основателей... Прийти к обеспечению правильного баланса в памяти о прошлом оказалось одной из наиболее сложных проблем американского общества» [ibid., p. 3].

Ссылаясь на американского историка Эдмунда Моргана, автор пишет, что именно рабство, основанное на расовых признаках, подарило WASP-м¹ свободу. Система, где низшие ступени социальной лестницы были безальтернативно закреплены за чернокожими, нивелировала классовые противоречия белого населения. Тринадцатая поправка к Конституции США (1865), официально обозначившая отмену рабства, не могла в одночасье разрушить эту столь длительно выстраивавшуюся систему «белого доминирования» [ibid., p. 4].

¹ Белые англосаксонские протестанты (англ. White Anglo-Saxon Protestant, WASP).

Нынешнее поколение, сетует А. Гордон-Рид, подпавшее под обаяние «легенды Юга», отказывается признавать очевидное. «Черное рабство» рассматривалось конфедератами в качестве одного из краеугольных камней государства, которое они планировали создать после победы в Гражданской войне.

Автор признает, что со второй половины XX в. афроамериканцы смогли улучшить свое социально-экономическое положение и стать полноценными субъектами политического поля [Gordon-Reed, 2018, p. 6]. Тем не менее все еще сохраняющиеся полицейская жесткость и расилизация в деятельности правоохранительных органов доказывают, что Четвертая поправка к Конституции США на практике распространяется не на всех. А полицейские расправы над чернокожими, носящими с собой оружие, в штатах, где такое ношение разрешено, ставят под вопрос право «цветных» пользоваться Второй поправкой к Конституции. Однако для того чтобы разобраться с этой проблемой, мало изучить рабство само по себе, нужно проанализировать его прочное и порочное наследие – превосходство белой расы, подчеркивает в заключение автор [ibid., p. 7].

В статье «От нацизма к “никогда больше”. Как Германия смогла примириться со своим прошлым» британский исследователь Ричард Эванс анализирует специфику формирования немецкого исторического самосознания, а также трансформацию подходов к освещению темы «коллективной вины» после Второй мировой войны.

1945 год многими немцами был расценен как «нулевой час» – время начать все заново. Заново, но не с чистого листа: забыть о годах Третьего рейха населению послевоенной Германии никто бы не позволил.

Отсутствие среди стран-победительниц единого мнения относительно послевоенного устройства государства привело к разделению Германии на западноориентированную, капиталистическую ФРГ и советскообразную, социалистическую ГДР. С образованием двух немецких государств работа коллективной памяти многократно усложнилась.

Западные немцы «страдали от общей исторической и моральной амнезии в послевоенные годы: в редких случаях они упоминали нацистскую диктатуру, обычно все сводилось к утверждению того, что они ничего не знали о соответствующих злодеяниях, и жалобам на несправедливые виктимизацию и унижение, сле-

дующие из программ денацификации и “правосудия победителей” при рассмотрении военных преступлений» [Evans, 2018, p. 10]. В контексте рассуждений о Второй мировой войне многие с негодованием вспоминали ковровые бомбардировки германских городов союзниками, а также последовавшую за капитуляцией Германии депортацию около 11 млн немцев из Венгрии, Румынии, Польши и других восточноевропейских стран. Опрос общественного мнения, проведенный в Западной Германии в 1949 г., показал, что около 50% населения оценивали нацизм как «хорошую, но плохо реализованную идею».

В свою очередь, лидеры Восточной Германии стремились к выстраиванию общественной солидарности на базе памяти о немецком движении коммунистического сопротивления нацизму, масштабы которого намеренно преувеличивались. Результатом такой политики стало отстранение жителей ГДР от разделения ответственности за преступления гитлеровского режима.

Тем не менее автор признает, что современная, объединенная с окончанием холодной войны Германия является страной «коллективного принятия моральной ответственности за чудовищные преступления своего недавнего прошлого» [ibid., p. 9]. Материальным выражением этого «принятия» стали сохранение вещественных доказательств деятельности нацистов и установка новых памятников жертвам Третьего рейха.

Ситуация в области политики памяти стала меняться в 1960-е годы. «Экономическое чудо ФРГ» позволило первому послевоенному поколению немцев полнее ощутить свою принадлежность к западному демократическому лагерю и с этой позиции морального превосходства потребовать правды о периоде Третьего рейха от своих подчинившихся антидемократическому режиму отцов и дедов. К осмыслению нацистского прошлого активно приступил Институт новейшей истории Мюнхена. Ознаменованием поворота к критической оценке позиций немцев в эпоху Третьего рейха стал процесс по делу охранников концлагеря Освенцим во Франкфурте-на-Майне в 1963–1965 гг. Внимание всего мира привлекал к себе суд над бывшим начальником отдела гестапо IV-B-4, «архитектором Холокоста» Адольфом Эйхманом, прошедший в Иерусалиме в 1961 г. «Студенческое восстание» 1968 г. и приход к власти Социал-демократической партии (СДПГ) во главе с Вилли

Брандтом создали условия для еще более открытой борьбы с призраком нацизма.

С переменами на внутривластном фронте вопрос адекватного и морально приемлемого использования «реликтов» Третьего рейха вновь встал ребром. Р. Эванс детально описывает этапы общественной дискуссии, развернувшейся вокруг проблемы использования территории съездов Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) в Нюрнберге, которая в конце первого десятилетия XXI в. все же была превращена в музей под открытым небом.

Под давлением инициативных групп, сформированных бывшими узниками концлагерей, власти ФРГ согласились открыть мемориальные комплексы в Дахау (1955), Берген-Бельзене (1966) и Нойенгамме (1981). Однако музейные экспозиции в пространстве бывших концлагерей соответствовали духу холодной войны и отражали западное представление об истинных ценностях: осуждались все тоталитарные режимы и затемнялся тот факт, что многие узники стали таковыми за то, что были коммунистами.

Обратная картина наблюдалась в Восточной Германии. Там аналогичные мемориальные комплексы акцентировали внимание экскурсантов на сопротивлении заключенных коммунистов, с которыми, как предполагалось, и должны были отождествить себя посетители.

Очередная трансформация в политике памяти оказалась сопряжена с падением Берлинской стены, на протяжении 28 лет бывшей зримым воплощением «железного занавеса», и объединением двух Германий в 1989–1990-х годах. Мемориальному буму способствовала смена поколений: достигнув пенсионного возраста, удалились от дел те специалисты, которые противились интенсивным «раскопкам» прошлого в силу того что начинали свои карьеры в период Третьего рейха.

Новая волна мемориальной активности охватила Германию. В 1992 г. берлинский художник Гюнтер Демниг начал работу над проектом «Камни преткновения» – мемориалом, призванным напоминать людям о судьбах жертв нацизма. При формировании экспозиций в мемориальных комплексах на месте бывших концентрационных лагерей стал использоваться более объективный, в сравнении с периодом блокового противостояния времен холодной войны, подход. В 2005 г. в центре Берлина между Бранден-

бургскими воротами и элементами бункера бывшего руководства нацистской Германии открылся памятник жертвам Холокоста.

Понимание непомерной цены войны пронизывает всю современную политическую культуру Германии. «С 1945 г. ни одна европейская страна не демонстрировала большего пацифизма или большего неприятия вооруженных интервенций за пределы государства. Ни одна страна не придавала большего веса стабильности и преемственности – предпочтение, наиболее четко выраженное в знаменитом выборном слогане Аденауэра 1950-х годов. – “Никаких экспериментов!” И никакая другая европейская страна не была столь благосклонна к иммигрантам и лицам, ищущим убежища...», – утверждает автор [Evans, 2018, p. 14].

В сегодняшних условиях миграционного бума, спровоцированного событиями на Ближнем Востоке, эти столь дорого обошедшиеся Германии ценности подвергаются крайне жесткой проверке. Выражением кризисных тенденций в немецком обществе стали появление на общественно-политической арене правопопулистского движения «Европейцы-патриоты против исламизации Старого Света» (ПЕГИДА), а также недавний успех консервативной и евроскептической партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), оказавшейся по итогам выборов 2017 г. третьей по численности партией в бундестаге. Тем не менее ни ПЕГИДА, ни АдГ не разрушили национального консенсуса относительно нацистского прошлого.

«Очевидно, что угроза правого популизма в Германии значительно слабее, чем в ряде других европейских стран», – заключает Р. Эванс. Попытки заигрывания с темой нацизма раскалывают даже праворадикальные партии. «Когда дело касается признания грехов прошлого, у Германии в конечном итоге нет альтернативы», – резюмирует автор [ibid., p. 15].

О цензурировании научных исследований и воспоминаний участников и очевидцев неоднозначных в моральном плане событий общенационального масштаба в своей статье «Китайская дымовая завеса. Когда коммунисты переписывают историю» рассказывает Орвилл Хикок Шелл III – гражданский активист, писатель, директор центра американо-китайских отношений в «Обществе Азии» в Нью-Йорке.

1 октября 1949 г. в Пекине, на площади Тяньаньмэнь Мао Цзэдун провозгласил «Новый Китай». Четыре десятилетия спустя это поистине священное для китайской государственности место в

сознании международного сообщества оказалось накрепко связано с жестоким подавлением студенческих протестов армией «народной республики».

В инициированной Коммунистической партией Китая (КПК) охоте на «внутренних врагов» от преследования сторонников побежденного Гоминьдана власти достаточно быстро перешли к разоблачению «предателей» внутри самой компартии. Кампания «Большой скачок», заключавшаяся в проведении индустриализации городов за счет крестьянства, обернулась ужасающим голодом, который в официальной китайской историографии осторожно именуется «тремя горькими годами». Мао вернулся к реальной власти только несколько лет спустя, устроив «Великую пролетарскую культурную революцию», целью которой было провозглашено тотальное избавление от «четырёх пережитков»: отживших традиций, культуры, порядков, идей. На практике это привело к серьезным социально-экономическим потрясениям, вылившимся в масштабный террор, зримым символом которого стали физические истязания «контрреволюционеров» во время публичных самосудов. Точное число жертв «культурной революции» до сих пор неизвестно.

Сегодня Китай наслаждается периодом относительной стабильности. КПК пропагандирует идею «гармоничного общества», а не классовой борьбы, и прославляет благополучие, достигнутое через насилие [Schell, 2018, p. 22]. КПК так и не выпустила ни одного официального заявления с признанием своей вины, не говоря уже о том, чтобы допустить мемориализацию своих жертв [ibid., p. 23]. При нынешнем председателе КНР Си Цзиньпине впервые со времен Дэн Сяопина стала невозможна критика Мао Цзэдуна. Лидер китайской нации утверждает, что нападки на тоталитарный Китай Мао контрпродуктивны, ведь без этого периода не были бы возможны реформы открытости.

Жесткая цензура со стороны Отдела пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Китая в отношении СМИ и сети учреждений культуры оборачивается устранением из пространства публичного обсуждения наиболее противоречивых и драматических эпизодов недавнего прошлого страны [ibid., p. 23].

Масштабы ведущейся КПК работы по переписыванию прошлого высветило недавнее исследование специалиста по Китаю из Университета Мичигана Гленна Тифферта. Он выяснил, что два цифровых архива – Китайская национальная инфраструктура знаний

(The China National Knowledge Infrastructure, CNKI), связанная с Университетом Цинхуа, и Национальная база данных по социальным наукам, финансируемая китайским правительством, – «потеряли» один и тот же блок из 63 статей, опубликованных в период с 1956 по 1958 г. двумя китайскоязычными научными журналами. Пострадали преимущественно статьи, авторы которых отклонились от канонической партийной линии «умолчания» в трактовке прошлого. Таким образом эти работы остались только в библиотеках отдельных зарубежных институтов, где еще хранятся подборки соответствующих журналов, однако обычному среднестатистическому гражданину КНР данные «спорные» материалы недоступны [Schell, 2018, p. 23–24].

Но действительно ли коллективное обсуждение драм национального прошлого идет на пользу обществу? Этим вопросом задается О.Х. Шелл, соотнося его с идеями, высказанными Дэвидом Риффом в книге «Хвала забвению», в которой тот утверждает, что воспоминания не всегда исцеляюще воздействуют на социум, и необходимо в каждом отдельном случае принимать решение о целесообразности или вреде памяти. Фактически пафос книги Д. Риффа сводится к утверждению независимости друг от друга таких категорий, как мир и справедливость. КПК, по мнению О.Х. Шелла, хотела бы, чтобы народ, которым она управляет, – а также остальная часть мирового сообщества – приняли эту «риффовскую» логику и сочли уклонение от встречи с жестокой правдой лучшей стратегией нациестроительства. То есть на практике КПК реализует чисто инструментальный подход к прошлому, где важную роль играет осознанное и целенаправленное сокрытие ряда эпизодов истории. При этом КПК успешно «экспортирует» свои цензурные ограничения за границу. Летом 2017 г. Пекин вынудил издательство *Cambridge University Press* удалить из своего цифрового архива англоязычного журнала *The China Quarterly* 300 статей, содержащих «политически некорректные» высказывания. В ноябре 2017 г. *Springer Nature*, публикующий такие журналы, как *Nature* и *Scientific American*, удалил с регионального сайта своих изданий в общей сложности около 100 статей. По мнению О.Х. Шелла, в основе такой политики лежит представление КПК об отсутствии так называемых универсальных ценностей, которые партийное руководство воспринимает как нечто навязанное Китаю Западом с единственной целью подорвать сложившуюся в государстве систему власти. Однако если бы универсальных и понятных каждому

ценностей действительно не существовало, у Пекина не было бы оснований опасаться честного разговора о своем прошлом, считает автор. Поскольку КПК доходит до предела в своих попытках вытравливания из коллективной памяти «черных» эпизодов собственной истории, возникает противоречие: руководство партии испытывает если не чувство вины, то, по крайней мере, ощущение стыда при мысли о возможном раскрытии содеянного ранее. Возможно, в будущем китайский режим будет вынужден встать на путь признания и даже осуждения того, что КПК осуществила в КНР. Но в среднесрочной перспективе подобное развитие событий представляется автору маловероятным.

Известная южноафриканская писательница и общественный деятель Сисонке Мсиманг в критическом эссе «Все не прощено. Южная Африка и шрамы апартеида» обращает внимание на структурные недостатки процесса национального примирения и поиска правды (truth-and-reconciliation process), последовавшего за официальным отказом руководства ЮАР от политики расовой сегрегации.

Несмотря на все усилия пришедшего к власти в 1994 г. Африканского национального конгресса (АНК) по формированию пространства открытого обсуждения нарушений прав человека, институциональные аспекты наследия апартеида все еще остаются без должного внимания.

Кратко описывая историю становления, развития и обстоятельства падения режима апартеида, провозглашенного правящей Национальной партией в 1948 г. и просуществовавшего фактически до избрания первого черного президента, лидера АНК Нельсона Манделы, автор отмечает, что в современной ЮАР «оформление справедливости всегда значило намного больше самой справедливости» [Msimang, 2018, p. 29–30].

Отдав предпочтение дипломатическим методам решения конфликта, Нельсон Мандела и его единомышленники предотвратили гражданскую войну и сумели избавить белое население страны от преследования. «Взносом» белых в эту сделку должна была стать их готовность принять на себя полную моральную ответственность за преступления, совершенные в отношении чернокожих жителей государства в годы апартеида. С целью юридического закрепления этого решения правительством была создана Комиссия правды и примирения (Truth and Reconciliation Commission), в задачи которой входили обличение преступлений апартеида, нака-

знание виновных и компенсация потерпевшим. Тем же законом, по которому создавалась Комиссия, были определены условия амнистии для замешанных в преступлениях апартеида. По словам Сисонке Мсиманг, для многих черных людей, чьи жизни на протяжении десятилетий были подчинены прихотям стоящих на вершине социальной лестницы белых, «Комиссия предложила больше, чем просто правду, она предоставила шанс восстановить свое достоинство» [Msimang, 2018, p. 31].

В работе Комиссии был ярко выражен элемент исповедальности: «грешники» приходили на слушания в поисках отпущения грехов, а их жертвы – в стремлении отпустить свою боль через прощение. «Но фетишизируя индивидуальные случаи нарушения прав человека, – уточняет Сисонке Мсиманг, – (Комиссия) отступила перед структурными последствиями апартеида» [ibid., p. 32]. Она оставила без внимания проблему постепенного обнищания чернокожего населения, которая является прямым следствием дискриминационной политики белых властей ЮАР. Вместо того чтобы изменить способы взаимодействия на всех уровнях социальной структуры через реальную трансформацию конфликта, «прощение сделали национальной мантрой, а примирение – официальной идеологией, констатирует автор. Критерием прогресса в области нациестроительства стала степень продвижения по пути “отпущения грехов”. Новые власти были так обеспокоены тем, что страна утонет в горечи, что не оставили достаточного пространства для обсуждения несправедливостей, сохраняющихся по сей день» [ibid., p. 32–33]. Сегодня, продолжает автор, белые юаровцы кажутся охваченными «коллективной амнезией». Этот растущий цинизм она связывает с «чувством, что для белых падение режима апартеида не стало сигналом конца их привилегированного положения, точно так же, как это не стало знаком прекращения страданий для большей части чернокожего населения» [ibid., p. 33]. Дисбаланс в доходах, уровне доступа к системе социального обеспечения, который определял расовые отношения периода апартеида, продолжает сохраняться.

По прошествии десятилетий стало очевидно, что не может быть никакого значимого улучшения в расовых отношениях без ликвидации закрепившейся системы экономического неравенства. И это всего лишь вопрос времени, предупреждает автор, когда накапливающееся раздражение сплетением экономического и расо-

вого неравенств, подкрепленное тяжелой исторической памятью, вырвется наружу. В силу этих причин, резюмирует С. Мсиманг, власти страны уже сейчас должны задуматься о внесении фундаментальных изменений в структуру собственности и контроля над экономикой в пользу автохтонного населения ЮАР и не ставить при этом «страхи меньшинства выше потребностей большей части населения» [Msimang, 2018, p. 34].

По прошествии более чем 20 лет со времени геноцида в Руанде Фил Кларк в статье «Восстановление Руанды. Когда воспоминание становится официальной политикой» оценивает проводимую властями страны политику памяти с точки зрения ее соответствия декларируемой задаче достижения общенационального примирения.

Сегодняшняя Руанда представляет собой удивительное пространство: три четверти тех, кто сразу после прихода к власти РПФ был арестован за участие в преступлениях геноцида, полностью реинтегрировались в национальное сообщество. Ни в одном другом государстве мира нет такого количества лиц – участников массовых зверств, которые бы проживали бок о бок со своими жертвами.

Ключевым элементом процесса социальной реконструкции страны после геноцида, а также залогом национального единства и примирения ранее враждовавших групп стало создание новой общности *руандийцев*. Активная вовлеченность государства в постконфликтное урегулирование, выражающаяся, в числе прочего, в работе с коллективной исторической памятью, обусловила относительно спокойный, в сравнении с соседними Бурунди, Конго и Угандой, переход народа к примирению. Однако, с точки зрения автора, такое агрессивное вмешательство властей в личную жизнь граждан и жесткий отбор допустимых при осмыслении произошедшей трагедии эмоций, подчас даже препятствуют искреннему принятию прошлого.

В 2000-х годах правительство Руанды разработало четырех-этапную стратегию «излечения» страны, включавшую в себя такие стадии, как коммеморация, воспитание в духе гражданственности, социоэкономическое развитие и примирение через установление справедливости. За 15 лет автор провела более 1000 интервью с обычными руандийцами, в том числе панельное обследование 20 респондентов разного этнического происхождения, которые повторно опрашивались каждые 18 месяцев, с тем чтобы выяснить, как со временем меняется отношение людей к проводимой государством политике памяти. Подавляющее большинство рес-

пондентов оценило государственную стратегию преодоления социального раскола как успешную, но при этом выявилось, что многие руандийцы чувствуют себя перегруженными шквалом правительственных постгеноцидных программ.

В 2001 г. для решения проблемы, связанной с наличием тысяч обвиняемых, ожидающих суда в рамках национальной судебной системы, правительством Руанды была восстановлена традиционная система местных общинных судов под названием «гачача». Санкции, которые могли наложить эти народные трибуналы, были минимальны по сравнению с наказанием, выносившимся в рамках обычной юридической системы. Несмотря на изначальные опасения таких правозащитных организаций, как *Human Rights Watch* и *Amnesty International*, что подобная формализация автохтонных практик обернется стихийными коллективными расправами и всплесками «правосудия толпы», слушания в системе судов «гачача» способствовали примирению путем предоставления возможности жертвам узнать правду о смерти членов их семей и родственников. Они также давали возможность виновным признаться в своих преступлениях, выразить раскаяние и попросить прощения у своей общины. Суды «гачача» завершили свою миссию в 2012 г. При этом, как отмечает автор, наиболее распространенной реакцией как подозреваемых, так и выживших жертв на прекращение работы «гачача» стало чувство облегчения. Многие жаловались, что интенсивность и частота правительственных программ коммеморации, в частности необходимость выделять один день в неделю на участие в общинных судах, мешали им заняться восстановлением собственной жизни и отвлекали от повседневных, но не менее важных обязанностей.

Постепенно сместились акценты в политической повестке дня: от обсуждения тяжелого наследия геноцида власти перешли к выстраиванию перспектив на будущее. В фокусе внимания оказались задачи модернизации экономики, региональной интеграции и уменьшения зависимости от иностранной помощи.

Признавая заслуги правительства Поля Кагаме, автор констатирует, что, несмотря на отдельные все еще сохраняющиеся противоречия и горькую память, никто в Руанде не допускает возможности повторения трагедии 1994 г. Основной угрозой стабильному постконфликтному развитию Руанды Фил Кларк считает снижение темпов демократизации и наметившуюся тенденцию к «закручиванию гаек» со стороны руководства республики.

Завершая статью, автор подчеркивает, что «впечатляющее восстановление Руанды после геноцида стало следствием не только хорошо скоординированных и в высшей степени организованных ответных мер со стороны государства, но и жизнестойкости и творческого духа местного населения. Для того чтобы обеспечить возможности процветания последнему, государство должно предоставить своим гражданам гораздо больше свободы с тем, чтобы они могли нарисовать собственное будущее» [Clark, 2018, p. 41].

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что статьи, вошедшие в настоящий обзор, позволяют нам проследить, как именно отдельные государства, будучи основными субъектами целенаправленного формирования коллективной памяти, выстраивают определенную линию интерпретации исторических событий, которая ложится в основу осмысления гражданами своей принадлежности к нации, посредством чего конструируется политическая идентичность. При этом настоящая подборка наглядно иллюстрирует тот факт, что любая «линия интерпретации» может вызывать критику как за пределами сообщества, так и внутри него, в особенности при обращении к проблемным эпизодам истории того или иного народа.

Список литературы

- Clark Ph.* Rwanda's recovery. When remembrance is official policy // Foreign affairs. – N.Y., 2018. – Vol. 97, N 1. – P. 35–41.
- Evans R.J.* From nazism to never again. How Germany came to terms with its past // Foreign affairs. – N.Y., 2018. – Vol. 97, N 1. – P. 8–17.
- Gordon-Reed A.* America's original sin. Slavery and the legacy of white supremacy // Foreign affairs. – N.Y., 2018. – Vol. 97, N 1. – P. 2–7.
- Msimang S.* All is not forgiven. South Africa and the scars of apartheid // Foreign affairs. – N.Y., 2018. – Vol. 97, N 1. – P. 28–34.
- Schell O.* China's cover-up. When communists rewrite history // Foreign affairs. – N.Y., 2018. – Vol. 97, N 1. – P. 22–27.

*А.М. Пономарева*¹

¹ **Понамарева Анастасия Михайловна**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН (Москва, Россия), e-mail: amp1982@mail.ru

Ponomareva Anastasia, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: amp1982@mail.ru